

Юноша в алых одеждах стоял на фоне бамбуковой рощи. Его холодное лицо казалось высеченным из нетающего зимнего льда. Весенний снег уже сошел, и этот яркий багряный силуэт затмевал собой робкую зелень первых распускающихся ветвей.

Цзянь Минну слегка удивился. Они с Ли Сяохо вышли из дома один за другим, и едва Минну переступил порог, Цзянь Сюэхэ тут же устремил на него взгляд.

— Брат Хэ, почему ты здесь? — спросил Минну.

— Вчера, — коротко отозвался Цзянь Сюэхэ.

Минну на миг замешкался. Накануне Цзянь Сюэхэ действительно дал ему некое обещание.

«Неужели он действительно решил проводить меня в Восточный двор? — подумал Минну. — Если нас увидит Цзинь Линсянь, он, возможно, поостережется и не станет ко мне придирааться».

Минну украдкой, с подозрением покосился на Цзянь Сюэхэ. Вдруг тот затеял очередную интригу? Но как ни вглядывался, уловить скрытый умысел не сумел и поспешно отвел глаза.

А может, в кои-то веки в старшем брате проснулось великодушие, и он просто решил довести начатое до конца.

Цзянь Сюэхэ скользнул равнодушным взглядом по застывшему рядом Ли Сяохо.

Все трое чувствовали себя крайне неловко, а потому до самого Восточного двора шли в полном молчании. Минуло всего несколько дней с тех пор, как Цзянь Сюэхэ без труда разрушил древний барьер во время вступительного испытания. Слухи об этом успели разлететься по всему ордену, поэтому неудивительно, что многие ученики теперь провожали их любопытными взглядами.

— Брат Хэ, дальше я сам, — тихо проговорил Минну.

Цзянь Сюэхэ послушно остановился. Не задерживаясь ни на мгновение, он бесшумно растворился в воздухе, и лишь на ступенях под черепичным навесом на миг задержалась его длинная тень.

Весть о том, что утром Цзянь Сюэхэ лично проводил Минну, мгновенно долетела до ушей Цзинь Линсяня. Весь урок Минну кожей ощущал устремленный в спину тяжелый, давящий взгляд, от которого внутри все сжималось от липкого дискомфорта.

Едва занятия подошли к концу, он поспешил уйти, однако преданные слуги Третьего принца

уже преградили ему путь.

— Цзянь Минну, куда это ты собрался? Забыл, что тебе вчера велел Его Высочество? Или его слова для тебя пустой звук?

Дорогу ему преградил Нанькэ — один из последователей Цзинь Линсяня. Обычно он держался мягче остальных и сейчас говорил без открытой злобы, скорее с легким упреком.

— Нанькэ, вчера я был у молодого господина Хэ и никак не мог уйти, — вполголоса ответил Минну, мешая правду с ложью. — И сегодня мне тоже нужно идти к нему. Если Его Высочество спросит, так ему и передай.

— К Цзянь Сюэхэ? — изумился Нанькэ. — Зачем ты ему сдался?

Цзянь Сюэхэ никак не походил на изнеженного господина, ищущего праздных утех и красивых мальчиков.

— Да ни за чем особенным, — Минну невольно смутился, вспомнив, как вчера его заставили читать нудные сутры, и внутри вновь всколыхнулось глухое раздражение.

Замечая, что собеседник явно не в духе, Нанькэ не стал допытываться:

— Сам понимаешь, если ты лжешь и Его Высочество об этом узнает...

— Если принц не верит, пусть сам проверит, где я провожу время, — отрезал Минну. За долгие дни подле Цзинь Линсяня в его душе накопилось немало обиды. Он холодно добавил: — Цзянь Сюэхэ запретил мне ходить к кому-либо еще. Так что к Его Высочеству я больше не вернусь.

Договорив, Минну направился к выходу, но перед глазами вдруг возникло лицо соседа по комнате. Он невольно бросил взгляд в окно: в последнем ряду, уткнувшись маской прямо в деревянную столешницу, беспробудно спал Ли Сяохо.

С начала занятий прошло уже полмесяца, и Ли Сяохо не пропустил ни одного сонного часа. Минну на мгновение укололо беспокойство.

«Если устроят проверку, Ли Сяохо ведь ни за что её не сдаст».

— Эй, постой!.. — только и крикнул вслед Нанькэ, но Минну уже скрылся за поворотом.

Направляясь в Южную обитель к Цзянь Сюэхэ, Минну прихватил с собой учебные свитки. Вчера у него выдалось немало свободных часов, и он решил потратить их с пользой —

разобрать то, что старейшина объяснял на уроках.

У дверей Южного двора его встретил слуга:

— Молодой господин Цзянь и наш молодой господин сейчас в Зале меча. Вернутся поздно.

Каждым двором руководили разные старейшины, и методы обучения у них разительно отличались. Наставник Минну предпочитал неторопливый, академический подход, начиная с самых азов, к чему юноша быстро приноровился. А вот более амбициозным ученикам вроде Цзинь Линсяня такая скука была не по нутру.

Все они рвались на Южный пик.

Там заправлял старейшина Пути Меча, презиравший сухую теорию. Его подопечные почти все время проводили в тренировочных залах, оттачивая боевые приемы.

По пути Минну заглянул в трапезную и прихватил немного сладостей. Слуга разрешил ему подождать внутри, и юноша робко переступил порог покоев Цзянь Сюэхэ.

Комната была прибрана со строгой, почти военной безупречностью. Все вещи лежали строго на своих местах. Минну невольно огляделся: на кровати не было ни мягких матрасов, ни теплых одеял — голые доски. Столь суровое ложе он видел лишь у двоих людей во всем ордене: у Ли Сяохо и у самого Цзянь Сюэхэ.

Оказывается, этот грозный юноша спал на голых досках каждую ночь.

Минну скромно примостился в углу. Повсюду высились стопки книг: древние трактаты плотными рядами теснились на полках от пола до потолка. От обилия сложных названий рябило в глазах, и большинства слов Минну даже не знал.

«Должно быть, его жизнь состоит лишь из бесконечных тренировок и чтения», — подумал он.

Достав из-за пазухи завернутые в платок сладости, он принялся не спеша их жевать. Одиночество дарило ему долгожданный покой.

Взор Минну снова устремился к книжным полкам. В прошлой жизни Цзянь Сюэхэ славился своей невероятной эрудицией. Именно благодаря книгам он со временем раскрыл множество тайн — например, как нейтрализовать действие кровоизущей травы или материализовать предметы силой собственного духа.

Ведомый любопытством, Минну поднялся и подошел ближе. На одной из средних полок его взгляд зацепился за корешок с полустертой надписью: «О заложении духовного фундамента и

перерождении духовных корней».

Доступа в Павильон хранения книг у него по-прежнему не было, а заполучить холодную яшмовую траву он твердо вознамерился во что бы то ни стало. Но пока рядом крутились Цзинь Линсянь и его прихвостни, шансы Минну оставались ничтожно малы.

Он протянул руку и осторожно извлек книгу. Страницы от времени пожелтели и источали тонкий запах пыли. Минну приоткрыл трактат: в самом начале описывалась история бродячего заклинателя с горы Шу, который, растеряв все свои силы, сумел изменить врожденный талант и начать путь самосовершенствования заново.

Текст настолько захватил юношу, что он напрочь забыл обо всем на свете. Он не услышал, как бесшумно отворилась дверь, и лишь когда боковым зрением уловил алый шелк чужих одежд, за его спиной раздался ровный голос.

— Что ты делаешь?

Цзянь Сюэхэ только что вернулся из Зала меча. На тыльной стороне его ладони алел свежий порез, по которому уже успела запечься тонкая корочка крови.

Вздрогнув от неожиданности, Минну застыл на месте. Пальцы судорожно сжали книгу, а бледные щеки мгновенно залил густой румянец стыда.

— Тебя долго не было... и я решил немного почитать, — проговорил он, торопливо заталкивая фолиант на первую попавшуюся полку, даже не заботясь о том, чтобы вернуть его на прежнее место.

Задав лишь один вопрос и увидев, что Минну послушно убрал книгу, Цзянь Сюэхэ не стал его отчитывать. Он молча достал из ящика стола чистый бинт и в несколько ловких движений перевязал раненую ладонь.

— Брат Хэ, ты ранен? — нарушил неловкую тишину Минну, во все глаза разглядывая юношу. После изнурительной тренировки взгляд Цзянь Сюэхэ казался еще более глубоким и темным, словно свежеразведенная тушь.

— Пустяки, — небрежно бросил тот. Его холодный взгляд скользнул по Минну. — Сегодня закончим позже обычного.

Поначалу Минну не понял, к чему это было сказано, но вскоре догадался: Цзянь Сюэхэ собирался уйти к горному источнику. Родник протекал у самого подножия их пика, и в эти ранние весенние дни его ледяная вода обжигала холодом, особенно по ночам.

Оставшись в комнате один, Минну уныло уткнулся в свои учебные свитки, но мысли его то и

дело возвращались к таинственной книге. Он попытался отыскать ее взглядом на полках, но та словно сквозь землю провалилась. Лишь спустя добрую четверть часа он заметил знакомый пожелтевший корешок на второй полке сверху.

Минну не смел прикоснуться к ней. Ему отчаянно хотелось дочитать ту главу. Описанная судьба безвестного практика была так похожа на его собственную! Что, если в книге действительно скрыт ключ к преображению его никчемных костей?

«Если там действительно описан способ изменить кости...»

Цзянь Сюэхэ вернулся, принес с собой прохладу ночного тумана и запах влажной хвои. Он сразу заметил, куда устремлен напряженный взгляд Минну. Замешкавшись у книжного шкафа на долю секунды, он уверенным движением достал именно тот старый трактат и небрежно перелистнул несколько страниц.

Пока шелестели сухие листы, Минну сидел, затаив дыхание, вытянувшись в струну. Все его существо сосредоточилось на этой книге.

Цзянь Сюэхэ чуть приподнял бровь и поймал устремленный на него взгляд — робкий, влажный и испуганный, точно у лесного олененка, застигнутого врасплох охотником. Поняв, что его поймали с поличным, Минну поспешно опустил голову и с удвоенным рвением уставился в свой свиток, делая вид, что полностью поглощен учебой.

Цзянь Сюэхэ бесстрастно вернул книгу на полку.

В этот вечер Минну читал сутры медленно, вкрадчиво. Голос его звучал совсем тихо, мягко и певуче, словно убаюкивая.

Опущенные ресницы бросали ровные тени на его щеки, придавая облику юноши кроткий, почти ангельский вид.

Время от времени Минну украдкой поглядывал на постель. Когда Цзянь Сюэхэ прикрывал глаза, Минну замирал и выжидал. Стоило чтению замедлиться хотя бы на миг, как ресницы лежащего едва заметно вздрагивали, выдавая, что тот и не думал засыпать.

— Всякое деяние вершится с оглядкой на жизни прошлые, всякая обида угасает лишь в чаше с ядом неисцелимым...

Голос Минну зазвучал тише, а затем и вовсе смолк. В комнате воцарилась глубокая, звенящая тишина. Сидящий на постели юноша не шевелился.

Минну осторожно приподнялся и помахал ладонью перед его лицом — никакой реакции.

— Цзянь Сюэхэ? — позвал он шепотом.

Ответа не последовало.

Подождав еще немного, Минну понял, что на сегодня свободен. Время было совсем детское, и он мог уйти пораньше. Аккуратно отложив свиток в сторону, он собрал свои нехитрые пожитки. Но перед самым выходом ноги сами привели его к книжному шкафу. Потрепанная желтая книга лежала на второй полке, прямо перед его глазами.

Дыхание Цзянь Сюэхэ было ровным и глубоким. В прошлой жизни тот сам однажды рассказывал Минну, как распознать притворство: у бодрствующего человека, даже если он пытается казаться спящим, дыхание неизбежно сбивается.

Сейчас же юноша спал крепко.

Минну застыл, борясь с накатившей растерянностью. Заклятый враг лежал прямо перед ним — беззащитный, спящий, — но Минну не мог сделать ровным счетом ничего.

Ему приходилось пресмыкаться, терпеть унижения и послушно приходить сюда каждый божий день, чтобы читать заумные сутры. Каждая строчка этих священных текстов казалась ему злой, издевательской насмешкой над его собственной беспомощностью.

Сквозь щели в бумажных окнах на пол лился бледный лунный свет, и в душе Минну поднялась буря. Он снова устался на вторую полку шкафа.

«Все, что мне не под силу получить, ему дается безо всякого труда».

Когда Минну покидал Южную обитель, он крепко прижимал к груди учебные свитки. А под ними, надежно спрятанная от чужих глаз, лежала старая пожелтевшая книга.

Едва за ним закрылась дверь, юноша на постели медленно открыл глаза. Бесшумной тенью Цзянь Сюэхэ скользнул к окну.

За окном, раскинув ветви с первыми нежно-розовыми цветами дикого абрикоса, дремали деревья. Тонкий силуэт Минну уже почти растаял в ночном тумане на повороте тропы.

Вернувшись в свою комнату, Минну сразу же зажег свечу и раскрыл похищенный трактат. Суть истории осталась прежней: безвестный практик, лишившись сил, сумел заново переродиться, но первым шагом на этом тернистом пути было переписать священные сутры ровно тысячу раз.

«Ибо в самих строках учения скрыт ответ», — гласила старинная запись.

Сейчас Минну метался словно слепой впотьмах. Он плохо понимал глубокий смысл этих слов и списывал все на собственную глупость. Но если ради спасительного ответа действительно нужно было переписать тысячу сутр... что ж, он был готов пойти на это.

Раздобыть тексты сутр в ордене не составило труда. Отдав старшим ученикам несколько мелких серебряных монет, Минну получил целую стопку свитков. Каждую свободную минуту он посвящал усердному переписыванию. Многие иероглифы были ему неизвестны, и тогда он без тени смущения шел с расспросами к Ли Сяохо.

Ли Сяохо искренне не понимал, с чего вдруг его тихий сосед увлекся столь бесполезным занятием, но мешать чужому рвению не стал — у него хватало собственных забот.

Приходя в Южную обитель, Минну теперь повсюду носил с собой чистую бумагу и тушь. Когда Цзянь Сюэхэ вернулся в покои после вечерней тренировки, он застал юношу в самом дальнем углу: тот, согнувшись над низким столиком, прилежно переписывал сутру.

Его тонкие пальцы крепко сжимали кисть, а на лице читалась предельная сосредоточенность. Выведенные им иероглифы выглядели по-детски угловатыми, но были удивительно аккуратными и ровными.

Цзянь Сюэхэ остановился в дверях. Его взгляд долго покоился на склонённой голове Минну, скользил по его плечам и застывшей кисти руки. Постояв так какое-то время, он бесшумно отвел глаза и прошел вглубь комнаты.

<http://bllate.org/book/20439/2140324>